

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 128–139.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 128–139.

Научная статья / Original article


УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-128-139

АНТРОПОЛОГИЯ А. Н. РАДИЩЕВА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Анна Александровна Доронина
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, adoronina@hse.ru



 **Аннотация.** В статье реконструируются антропологические представления А. Н. Радищева в контексте его проекта Просвещения на материале «Беседы о том, что есть сын Отечества» и трактата «О человеке, о его смертности и бессмертии». Особое внимание уделяется социально-политическому аспекту его антропологии, в частности определению человека как сына Отечества. Показана близость основных антропологических установок Радищева идеям Руссо. Ставится вопрос о промежуточном положении социально-политических воззрений Радищева между классической (аристотелевской) парадигмой политической философии, предполагающей исходно политическое состояние человека, и нововременной парадигмой, нашедшей свое выражение в концепции общественного договора. Кроме того, рассматривается тезис о близости проекта Просвещения Радищева проекту И. Канта и делается вывод, что при внешнем сходстве главных формулировок в их основе лежат различные и трудносовместимые этические концепции.

© Доронина А. А., 2023



Ключевые слова: Радищев, Просвещение, человек, свобода, Кант, Руссо, общественный договор, природа человека, естественное состояние, гражданское состояние, этика



Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).



Ссылка для цитирования: Доронина А. А. Антропология А. Н. Радищева в социально-политической перспективе // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 128–139. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-128-139.

Literature. Philosophy. Religion

A. N. RADISHCHEV'S ANTHROPOLOGY IN SOCIO-POLITICAL PERSPECTIVE

Anna A. Doronina

National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), Moscow, Russia,
adoronina@hse.ru



Abstract. This article reconstructs the anthropological ideas of A. N. Radishchev in the context of his Enlightenment project based on the “Conversations about who is the son of the Fatherland” and the treatise “About man, about his mortality and immortality”. Special attention is paid to the socio-political aspect of his anthropology, in particular, the view on a person as on a son of his fatherland. The article shows the proximity of Radishchev’s main anthropological attitudes to Rousseau’s ideas. It also considers Radishchev’s socio-political views as being in the intermediate position between the classical (Aristotelian) paradigm of political philosophy, which presupposes the initial political state of a person, and the modern paradigm, which found its expression in the concept of the social contract. In addition, the thesis about the proximity of Radishchev’s Enlightenment project to I. Kant’s project is raised and it is concluded that with the external similarity of their main formulations, these projects are based on different and difficult-to-reconcile ethical concepts.



Keywords: Radishchev, Enlightenment, human, freedom, Kant, Rousseau, social contract, human nature, state of nature, civil state, ethics



Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).



For citation: Doronina, A. A. (2023) “A. N. Radishchev’s anthropology in socio-political perspective”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(4), pp. 128–139. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-128-139.

О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
А. Н. Радищев. *Вольность*

В истории России начало эпохи Просвещения совпадает с началом нового, имперского периода развития государственности и становлением Российской империи как европейской державы. Принято отмечать интенсивный рост в этот период интеллектуальных отношений между Россией и рядом европейских стран, чему способствовала политика Петра I и в особенности Екатерины II. Говоря о таких отношениях, прежде всего подразумевают одностороннее влияние — приезд иностранных учителей, обучение россиян за границей, восприятие современной европейской философии и базовых элементов европейской культуры. Соотнесение традиционных европейских историографических категорий и этапов развития российской истории — непростая задача. Однако если не брать эти категории только в хронологическом смысле, но попытаться сущностно охарактеризовать их в соотнесении с этапами социально-исторического развития России, то задачу может облегчить рассмотрение отдельных, особенно ярких примеров синтеза российской и европейской духовности.

Примером восприятия идей европейского Просвещения и переосмысления их в контексте российского политического устройства может служить творчество А. Н. Радищева — важной и в некотором смысле трагической фигуры екатерининской эпохи. Имя Радищева — сначала запрещенное, а в советское время прославленное как символ борьбы за свободу — сегодня представляет интерес как имя одной из ключевых фигур в сложной истории российского Просвещения и становления самобытной философской и общественно-политической мысли. Трудно отрицать, что век расцвета русской философии,

литературы, культуры в целом — это век девятнадцатый. Но подготавливает философскую мысль Чаадаева и Пушкина, безусловно, кропотливая работа Ломоносова, Карамзина, Державина, Новикова, Радищева и других мыслителей и просветителей века восемнадцатого.

Центральной темой, вокруг которой выстраивался дискурс первых российских интеллектуалов в рамках проекта модернизации общества, была проблема человека и свободы. Объединение этих двух тем открывало пространство политических вопросов. Дискуссии вокруг понятий права, закона, гражданина и т. п. совпали с периодом перехода от домодерного социально-политического уклада к имперскому государству. В этот период формируется культура российской элиты (интеллектуалов), осознающей себя как своего рода локомотив социальной жизни, как реальная политическая сила, способная ее преобразовывать и улучшать. Вместе с этим намечается «исторический разрыв между культурой религиозного традиционализма средневековой Руси, в которой по существу осталась пребывать основная часть российского народа, и европеизированной культурой элит» — острая социальная и философская проблема последующих веков [Жукова, 2022, с. 162].

Знакомство Радищева с философией Просвещения состоялось в юношестве благодаря урокам французского гувернера. Достаточно подробно описывает его «годы учений» российский литературовед М. И. Сухомлинов в книге «А. Н. Радищев: автор “Путешествия из Петербурга в Москву”» (1883). Так, среди прочего, он упоминает об особенной студенческой увлеченности идеями Гельвеция, Руссо, Мабли и Рейналя [Сухомлинов, 1883, с. 10–12]. Известно, какую роль эта увлеченность сыграла впоследствии: по оценке Пушкина, судьба и творчество Радищева стали «кривым зеркалом» «всей французской философии его века» [Пушкин, 1951, с. 360]. После нескольких лет обучения в Лейпцигском университете «Радищев возвратился в Россию под сильным влиянием идей, развиваемых энциклопедистами и их приверженцами... В России он застал тоже поклонение энциклопедистам» [Сухомлинов, 1883, с. 12]. Вдохновенно и восторженно (что было свойственно его натуре) он принялся за переделку общественного сознания и устоев, обращаясь к художественному слову. На родину Радищев возвращается в роли так называемого *homme de lettres* и «примеряет на себя ту же культурную и общественно-политическую роль, какую во Франции середины — начала второй половины XVIII века берут на себя энциклопедисты» [Каплун, 2021, с. 50].

В становящейся интеллектуальной среде в России эпохи Екатерины Великой происходит рецепция и творческая реинтерпретация основных концепций Просвещения: от понятий человека и свободы до закона, гражданского

общества, общественного договора, государства и т. д. В частности, «в рамках интеллектуальной моды [на Руссо] наиболее радикальные идеи воспринимаются таким образом, что входят в сложившийся мировоззренческий багаж, не меняя его кардинально, т. е. воспринимаются, во-первых, выборочно, а во-вторых, интерпретируются так, что становятся частью установившейся системы воззрений» [Златопольская, 2005, с. 10]. Интерес к идеям Руссо в России, несмотря на неодобрительное отношение к нему императрицы, во многом поддерживается активной переводческой и издательской деятельностью. Так, в своих социально-философских работах Радищев явным образом апеллирует к рассуждениям Руссо, однако интерпретирует идеи французского мыслителя в собственной оригинальной манере.

Радищев спрашивает о человеке в духе Руссо. Что есть человек? — вот «один из самых интересных и щекотливых вопросов», с которого начинается «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми» [Руссо, 1969, с. 40]. В этом отношении Руссо и Радищев предвосхищают Канта, поставившего антропологическую проблему в основание своей философской системы.

Исследованию человека посвящен, возможно, один из наиболее философских трактатов Радищева с элементами натурфилософии — «О человеке, о его смертности и бессмертии». В нем автор подробно рассматривает вопросы происхождения, рождения, развития людей и их отличия от других существ и вещей, а также вопросы гносеологические (например, о происхождении знания) и метафизические (например, о душе и целепологании). В этом смысле Радищев идет гораздо дальше Руссо и пытается объединить в систему свои философские идеи, не останавливаясь на вопросах этического и политического характера. Эта работа очень важна для понимания проекта Просвещения Радищева, в особенности содержащиеся в ней суждения о природе человека, которые будут рассмотрены ниже.

Русская философия и литература наиболее восприимчивы к социально-политическим вопросам, смысловым ядром которых является понятие человеческого достоинства. Основания для этого закладываются в интеллектуальной культуре второй половины XVIII века. В «Беседе о том, что есть сын Отечества» Радищев предлагает называть достойным званием сына Отечества только свободного человека. Человек при этом и есть, по Радищеву, исключительно свободное существо, потому что в отличие от других он «одарен умом, разумом и свободною волею» [Радищев, 1976, с. 61]. Величие его обеспечивается естественным законом («откровенным» или божественным), а проявляется в гражданском законе. Мыслитель исходит из представления об изначальном равенстве людей, ибо все без исключения имеют природную склонность к

«люблению истинной славы и чести» [Радищев, 1976, с. 64]. Сама природа и ее порядок (закон) служат основанием для заключения о равенстве между людьми. Стремление к чести и величию — «пружина» совершенствования, вложенная природой в каждого человека для развития и просвещения. Человек, по мнению Радищева, добродетелен по природе: «Эту естественную доброту первобытного человека Радищев, вслед за Руссо, выводит из чувства самосохранения: человек сочувствует страданиям другого человека, а также животных, ставя себя на их место» [Златопольская, 2005, с. 18]. Несложно проследить в текстах Радищева пафос просвещенческой идеи: человек может быть человеком только как свободный сын Отечества, добровольно избирающий своим долгом служение ему.

Определив сущность человека, он переходит к проверке на соответствие этому понятию. «Ищу человека!» — как бы говорит Радищев. Красноречивы типажи, которые выделяет писатель при попытке показать, кто не достоин называться сыном Отечества, а вместе с тем и именем человека. Главная проблема этих людей — в неследовании естественному (разумному) закону. На то есть разные причины: во-первых, внешнее «коварство или насилие». Злая воля обрекла часть людей на несвободу и лишила шанса реализовать свои естественные задатки. Во-вторых, внутренняя несвобода — именно к этой причине сводятся все остальные типы недостойных, выделенных Радищевым, будь то щеголь, деспот (самодур), казнокрад и чревоугодник.

Какими качествами должен обладать человек и сын Отечества? Человек создается приучением к трудолюбию, любви к отечеству, науке и искусству, то есть воспитанием [Радищев, 1976, с. 68]. Воспитание нужно для того, чтобы очистить сердце человека, помочь различить дурное и доброе. Потенциал заложен природой, но без надлежащего образования не обойтись. Результат воспитания — истинный человек или сын Отечества, который прежде всего *честолюбив*, потому что взыскует любви себе подобных. Именно любовь — то единственно доблестное чувство, которое должно возникать между настоящими людьми. Быть достойным этого чувства — главная задача сына Отечества. Радищев подчеркивает необходимость сыновней любви к государству и братской (то есть основанной на принципе равенства) — к согражданам, вторя Монтескье, который называл любовь к отечеству главной республиканской добродетелью [Монтескье, 1999, с. 44].

Кроме честолюбия, человек должен стремиться к *благодравию* — то есть быть законопослушным. Наконец, *благородство* — еще одно неотъемлемое свойство души человека, сущность которого в осознании себя и своего имущества как «принадлежащего отечеству». Неразделимые для Радищева понятия

«человек» и «сын Отечества» определяются друг через друга: природа сделала человека общественным, ибо создала его слабым и ограниченным. Поэтому всякий раз, когда мы будем пытаться найти определение человека, мы будем описывать его именно с точки зрения его принадлежности к обществу.

Ограниченность и слабость — не единственные признаки, склоняющие человека к политической жизни. Врожденные чувства — например, чувство чести или доброты — равно склоняют его к общественной жизни: «Следствием нежности в нервенном сложении и раздражительности в строении фибров человек паче всех есть существо соучаствующее... Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится» [Радищев, 1949, с. 292]. Таким образом, мы замечаем, что Радищев совмещает классическое аристотелевское определение человека как политического животного, «общественность» которого определена его природой, и модерную модель общественного договора, предполагающую искусственность социального порядка. В естественном состоянии человек неполноценен, поэтому ради сохранения жизни и ради реализации вложенных в него природой склонностей он вступает в гражданское состояние.

Вернемся к трактату Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», в котором он формулирует следующее: «Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою... Совершенно бесстрастный человек есть глупец и истукан нелепый... Не достоинство есть воздержатися от худых помыслов, не могши их сотворить... Бесстрастие есть нравственная смерть» [Радищев, 1949, с. 101]. Природа в философии Радищева гарантирует разумность и благую цель всего сотворенного. Видеть в ней корень порока бессмысленно, наоборот, природой предзадана нравственность. В этом смысле радищевское представление о человеке близко руссоистскому и совсем не похоже на определение Канта. Именно природа, по мнению Радищева, определила человека к познанию, наделив его любопытством, и именно в природе коренится человеческое стремление к свободе. В «Путешествии из Петербурга в Москву» он воздает ей честь такими словами: «И се, природа, твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою в души наши, стремится к познанию вещей; а кипящее сердце славолюбием не может терпеть пут, его стесняющих» [Радищев, 1976, с. 215].

В статье современного исследователя В. Л. Каплуна доказывается тезис, что «Радищев заимствует, по крайней мере частично, формулировку проекта Просвещения — а заодно и фрагмент текста — непосредственно из статьи Канта» [Каплун, 2021, с. 30]. Приводятся аргументы в пользу того, что в главном произведении Радищева — «Путешествии из Петербурга в Москву» — автор без ссылки на источник заимствует кантовскую идею «публичного пользо-

вания собственным разумом», сформулированную в статье «Ответ на вопрос: Что такое просвещение». Приведенное сравнение текстов Радищева и Канта не оставляет сомнения в том, что первый был знаком со статьей немецкого философа.

Несмотря на то, что формулировка проекта Просвещения Радищева в «Путешествии...» действительно обнаруживает явное сходство с понятием Просвещения из статьи Канта и в существенных моментах его практически воспроизводит, на этом основании еще нельзя сделать вывод о том, что философское содержание и обоснование этого проекта у Радищева носит исключительно или даже преимущественно кантианский характер. Проект Просвещения Канта опирается в конечном счете на деонтологическую этику и вписывается в более широкую историософскую концепцию, ядром которой выступает все то же учение о чистом практическом разуме. Выше мы уже отметили ту роль, которую Радищев приписывает чувствам и врожденным склонностям человека в его этической жизни, фактически называя их необходимым условием всякого морального действия и морального совершенствования. В этом отношении его этика существенно расходится с кантианским учением об автономии практического разума, в котором всякого рода «склонности» и природные побуждения однозначным образом нарушают принцип автономии разума в определении воли и относятся по этой причине к области гетерономии.

Проект Просвещения, предложенный Радищевым, прославился нелегкой судьбой, что не удивительно. Начало Нового времени в России — это по преимуществу история ее модернизации, в основе которой лежит вполне конкретная политическая воля. Эта эпоха совпадает с началом радикально нового *имперского* периода российской государственности: «...в момент торжественного и стремительного становления империи таможенный чиновник Александр Радищев издает полулегально книжку сентиментального путешественника» [Кантор, 2006, с. 91]. В связи с этим вполне понятно, что рецепция разнообразных «республиканских» идей не могла пройти беспрепятственно и гладко. Однако надежды Радищева — не пустые рассуждения, прежде всего для него самого. Показателен пример из биографии мыслителя, который приводит Ю. М. Лотман: «В сибирской ссылке он прививал оспу жителям — в ту пору это была не просто медицинская новинка, а своеобразное поприще, на котором сражались просвещение и невежество» [Лотман, 1994, с. 354]. В этом смысле Радищев не просто интеллектуал, но настоящий носитель идеи Просвещения.

Нельзя не отметить в заключение, что радищевская «Беседа о том, что есть сын Отечества» претендует на откровение: «Вступи и виждь!» — начинает он свою речь, обращаясь к тем, кто «стоит при праге» [Радищев, 1976, с. 61]. Факти-

чески «на пороге» Просвещения находится Россия, и Радищев — новый герой, публичный интеллектуал, знаменосец европейской идеологии, который призван помочь отечеству пойти по пути просвещения. Характерна заключительная фраза «Беседы»:

Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такового точно воспитания и на сих правилах основанного введен богомудрыми монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оногo, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!

[Радищев, 1976, с. 68]

Интересно сравнить этот заключительный пассаж со знаменитой фразой Канта: «Если задать вопрос, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет: нет, но мы живем в век просвещения. ...препятствий же на пути к просвещению или выходу из состояния несовершеннолетия, в котором люди находятся по собственной вине, становится все меньше и меньше» [Кант, 1994, с. 35]. Просвещение — это *процесс*, который не заканчивается, это ясно следует из представлений и Канта, и Радищева. Однако Просвещение — вполне реальная идея, к которой человечество должно стремиться, совершенствуя человека, законы и общество. Образцом человека Радищев видит просвещенного гражданина своего отечества, то есть такого, кто свободен воспитать и развить свои врожденные добродетели и пользоваться их дарами.

Список источников

Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Изд-во «Согласие», 2022. 594 с.

Златопольская А. А. Идеи «женевского гражданина» и Россия. Полтора века воздействия и осмысления (1752–1917) // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология. СПб.: РХГА, 2005. С. 7–54.

Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37.

Кантор В. К. Откуда и куда ехал путешественник?: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Вопр. литературы. 2006. № 4. С. 83–138.

Каплун В. У истоков российского политического модерна: «подтибрил» ли Радищев свой проект Просвещения у Канта? (И если да, то почему не сослался?) // Логос. 2021. Т. 31, № 5. С. 27–58.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: «Искусство — СПб.», 1994. 399 с.

Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

Пушкин А. С. Александр Радищев // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. 7. С. 350–361.

Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын Отечества // Радищев А. Н. Избранное / сост., предисл. и примеч. Б. И. Краснобаева. М.: «Московский рабочий», 1976. С. 61–68.

Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Радищев А. Н. Избранные философские сочинения / под общ. ред. и с предисловием И. Я. Щипанова. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1949. С. 271–398.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Избранное / сост., предисл. и примеч. Б. И. Краснобаева. М.: «Московский рабочий», 1976. С. 71–226.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31–108.

Сухомлинов М. И. А. Н. Радищев: автор «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб.: Тип. императорской академии наук, 1883. 711 с.

References

Zhukova, O. (2022) *Tvorchestvo i religioznost' v russkoj kul'ture. Filosofskie issledovaniya* [Creativity and religiosity in Russian culture. Philosophical research]. Moscow: Soglasie.

Zlatopolskaya, A. (2005) “Idei «zhenevskogo grazhdanina» i Rossija. Poltora veka vozdeystvija i osmyslenija (1752–1917)” [“The ideas of the ‘Citizen of Geneva’ and Russia. A century and a half of impact and reflection (1752–1917)”], in *Zh.-Zh. Russo: pro et contra. Idei Zhan-Zhaka Russo v vosprijatii i ocenke russkih myslitelej i issledovatelej (1752–1917). Antologija* [J.-J. Rousseau: pro et contra. The ideas of Jean-Jacques Rousseau in the perception and evaluation of Russian thinkers and researchers (1752–1917). Anthology]. St. Petersburg: RHGA, pp. 7–54.

Kant, I. (1994) “Otvét na vopros: Chto takoe Prosveshhenie?” [“An Answer to the Question: “What is Enlightenment?”], in Kant, I. *Sobranie sochinenii: v 8 tomakh. Tom 8* [Collected works: in 8 vols. Vol. 8]. Moscow: Choro.

Kantor, V. K. (2006) “Otkuda i kuda ehal puteshestvennik?: ‘Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu’ A. N. Radishcheva” [“From where and where did the traveler go?: ‘Journey from St. Petersburg to Moscow’ by A. N. Radishchev”], *Voprosy Literatury*, 4, pp. 83–138.

Kaplun, V. (2021) “U istokov rossijskogo politicheskogo moderna: ‘podtibril’ li Radishhev svoj proekt Prosveshhenija u Kanta? (I esli da, to pochemu ne soslalsja?)” [“At the origins of Russian political modernity: did Radishchev ‘tweak’ his project of Enlightenment from Kant? (And if so, why didn’t you refer it?)”], *Logos*, 31(5), pp. 27–58.

Pushkin, A. S. (1951) “Alexandr Radishchev” [“Alexander Radishchev”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 7* [Complete works: in 10 vols. Vol. 7]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, pp. 350–361.

Radishchev, A. N. (1976) “Beseda o tom, chto est' syn Otechestva” [“A conversation on who is a son of the Fatherland”], in Radishchev, A. N. *Izbrannoe* [Selected works]. Compilation, preface and notes by B. I. Krasnobaev. Moscow: Moskovskii rabochii [Moscow worker], pp. 61–68.

Radishchev, A. N. (1949) “O cheloveke, o ego smertnosti i bessmertii” [“About man, about his mortality and immortality”], in Radishchev, A. N. *Izbrannye filosofskie sochinenija* [Selected philosophical works]. General ed. and preface by I. Ya. Shchipanov. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury [State Publishing House of Political Literature], pp. 271–398.

Radishchev, A. N. (1976) “Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu” [“Journey from St. Petersburg to Moscow”], in Radishchev, A. N. *Izbrannoe* [Selected works]. Compilation, preface and notes by B. I. Krasnobaev. Moscow: Moskovskii rabochii [Moscow worker], pp. 71–226.

Rousseau, J.-J. (1969) “Rassuzhdenie o proishozhdenii i osnovanijah neravenstva mezhdru ljud'mi” [“Discourse on the origin and basis of inequality among men”], in Rousseau, J.-J. *Traktaty* [Treatises]. Moscow: Nauka, pp. 31–108.

Sukhomlinov, M. I. (1883) *A. N. Radishhev: avtor “Puteshestvija iz Peterburga v Moskvu”* [A. N. Radishchev: author of “Journey from St. Petersburg to Moscow”]. Moscow: Tipografija imperatorskoj akademii nauk [Printing House of the Imperial Academy of Sciences].

Lotman, Yu. M. (1994) *Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Russian culture conversations: the way of life and traditions of the Russian nobility (18th — the beginning of the 19th century)]. St. Petersburg: “Iskusstvo — SPb.”.

Montesquieu, Ch. L. (1999) *O duhe zakonov* [The spirit of law]. Moscow: Mysl'.

Информация об авторе: Анна Александровна Доронина — кандидат философских наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследова-

тельского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Anna A. Doronina — PhD in Philosophy, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023;
одобрена после рецензирования 01.12.2023;
принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 17.11.2023;
approved after reviewing 01.12.2023;
accepted for publication 10.12.2023.